

Таким образом, по умолчаниям и оговоркам рассказа находим объяснение факту сокращения повествования и появления вследствие этого пробела на обороте существующего в рукописи 161-го листа. Это объяснение хорошо согласуется с тем, что мы уже знаем о тенденциозности редактора, и вместе с тем добавляет к нашим о ней представлениям новый штрих: редактор стремился убрать примеры малодушия и показать бесстрашие в борьбе с татарами князей и воевод, как-то связанных, помимо Москвы (что мы видели выше), с Владимиром (о Козельске — такой хороший пример! — он не говорит).

Четвертый город, о взятии которого татарами — наряду с Рязанью, Москвой и Владимиром — рассказывает Лаврентьевская летопись (л. 160 об.), и рассказывает исключительно несамостоятельно, перефразируя, как было выше показано (пункт 4), статью 1203 г., — это Суздаль. О Суздале редактор тоже хотел что-нибудь сказать, но не имел ничего своего — никаких собственных сведений и впечатлений. Стало быть, географически круг интересов редактора повести о Батыевом нашествии определяется не самими событиями завоеваний и включает лишь Рязань (в небольшой мере), Москву, Владимир и Суздаль. Будь эта повесть оформлена в Ростове, наверное, здесь больше говорилось бы о судьбе Ростова, чем: «и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городецъ».

Касаясь поведения и гибели великого князя Юрия Всеволодича, Новгородская I летопись сообщает, что при приближении татар к Владимиру он «бѣжа на Ярославль», а затем незаметно был окружен татарами и, узнав об этом, «не успѣв ничто же, побѣже. И бысть на рѣцѣ Сити, и постигоша ѿ, и живот свои сконча ту. Бог же вѣсть, како скончася; много бо глаголють о немъ инии». Сходно повествует Ипатьевская: «Не имѣюшу сторожий, извѣхан бысть безаконнымъ Бурондаема. В(е)сь город изогна, и самого князя Юрья убиша».

Согласно же рассказу Лаврентьевской летописи, князь Юрий Всеволодич, находясь на р. Сити и узнав о падении Владимира и о приближении татар, заплакал «по правовѣрнѣй вѣрѣ христьянстѣй», помолился и «с мужи своими поидоша противу поганымъ. И бысть сеча зла. И побѣгоша наши пред иноплеменикы. И ту убьен бысть князь Юрьи» (л. 162—162 об.). Здесь, таким образом, князь сам выступает «противу поганымъ» и погибает «в сѣчѣ злой» как защитник христианства.

Совершенно наподобие древних христиан-исповедников гибнет захваченный в этом бою татарами в плен князь Василько Ростовский (о его смерти сообщает только Лаврентьевская). Татары принуждают его следовать «обычаю поганьскому, быти в их воли и воевати с ними»; он же отказывается изменить своей религии и перед смертью произносит прочувствованный монолог («никако же мене не отведете христьянское вѣры...») и несколько молитв. Думается, что отождествление покорности татарам с изменой христианству принадлежит (как и монолог и молитвы) редактору XIV в., когда татары уже были мусульманами. В период же завоеваний они хотя и придерживались в основной своей массе «обычай поганьского», но миссионерством не занимались и к чужой вере относились если не толерантно, то безразлично. Однако не исключено, я думаю, что какие-то войсковые обычаи татар могли показаться Васильку Ростовскому несоместимыми с его христианством.

Как бы то ни было, страдалцами за веру предстают в Лаврентьевской летописи и московский воевода, и князя Юрий Всеволодич и Василько Константинович. Оба князя сознательно отказываются от «мира студна» с татарами, и в этом состоит их религиозный подвиг. Будучи чрезвычайно